

— Вас девятеро детей в семье Джексонов. И все вы поете...

— Я родилась четвертой. А страсть к пению у нас благодаря матери. Отец был очень строгим, и когда мы были маленькими, он почти не разрешал гулять. Мать, которой день-деньской приходилось смотреть за нами дома, напевала нам деревенские мотивы. Она, не переставая, твердила отцу, что у детей есть способности. Он не слушал, отмахиваясь: «Не дурачить меня!» И это повторялось до того самого дня, когда один из моих братьев не порвал случайно струну на отцовской гитаре. Отец, который сам хорошо играл, пришел в страшную ярость, ударил брата и, бросив в него гитару, крикнул: «Ну-ка, гитарист, сыграй что-нибудь». И брат сыграл очень здорово — лучше отца. Отец удивился, поняв, что у детей способности действительно есть. Мать же заметила, что остальные ребята играют не хуже. С тех пор он заставлял нас петь каждый божий день. Правда, сначала — только мальчиков. Девочки влились в хор позже. Отец решил подключить к ансамблю меня и сестру Джанет. Сейчас поют все члены нашей семьи, но каждый уже самостоятельно.

— В Соединенных Штатах выходит ваша книга о семье. Довольно жесткая...

— Жизнь у нас была не сахар. Мы жили почти в замкнутой среде, сломленные отцом, суровым и жестоким. Книга о том, как нас обманывали. Обманывать же можно по-разному. Отец не дал нам нормально развиваться ни в эмоциональном, ни в физическом, ни в сексуальном плане. Я рассказываю обо всем этом в своей книге потому, что этому обману рано или поздно нужно положить конец. Ведь эта тема всегда была под запретом. Что касается меня, насилие надо мной продолжалось, даже когда я уже не жила дома. Отец так и не переменялся.

— Его можно назвать тираном?

— Конечно. Он все держал под своим контролем, не упускал ни одной инициативы, все решения принимал единолично. Все, что ни говорил он, должно было беспрекословно исполняться. Выбора не было. Он говорил: «Делай то, делай это». Если его спрашивали: «Зачем?», он отвечал: «Делай, и все тут». Дома, когда он приходил, я пряталась в ком-

нате, руки холодели, а сердце уходило в пятки. Отец не заходил в комнату. Лишь когда был в ярости. Он являлся домой, чтобы бить нас и подвергать разного рода издевательствам. Четыре года минуло, как я уехала из дому. Отец — его я больше не видела — оставался хозяином, властелином. Даже сегодня его власть распространяется на некоторых членов нашей семьи.

— Вы замужем?

— Да. К сожалению, и к этому руку приложил мой отец. Я вышла замуж за моего импресарио, которого не любила и не люблю. И он это знает. Почему вышла за него? Отец и мать хотели насильно отдать меня замуж. Ничего не получилось. И вот во время концерта в Рено — небольшом городке в штате Невада — я вдруг заметила, что у моего импресарио ужасно испуганный вид. Мне показалось, что я проваливаюсь. Концерт окончился, и он мне заявляет: «Надо пожениться!» — Я отвечаю: «Я не могу, ведь я же всего-навсего твоя артистка. И зачем?» — «Посмотри, вон там у выхода меня ждут трое парней, которые собираются убить меня». А это были трое бродяг, нанятые моим отцом. Когда их арестовали, они признались: «Мистер Джексон заплатил нам за то, чтобы мы убили импресарио и стреляли по ногам Латойи». И он опять попросил меня выйти за него замуж. «Только я смогу защитить тебя. Если я женюсь на тебе, никто из твоей семьи не посмеет выступить против тебя, потому что я скажу им: «Не прикасайтесь к моей жене». Таким образом мы связали друг друга брачными узами. Но не более чем формально. Когда моя книга выйдет в свет, все станет по-старому — мы разведемся. Что касается профессии Жака, моего мужа, — равных ему нет. И в жизни он совсем неплохой человек. Я ценю его натуру. Но что касается семейной жизни с ним — увы, это не для меня. А что я могу сделать? Любовью не командуют.

— Что, по-вашему, представляет собой ваш брат Майкл?

— Не думаю, что даже он сам хорошо это знает. Я точно не могу сказать, чем он живет. У него что-то все запутано из-за сложностей в личной жизни. Мальчик, которого я знала в детстве, был хорошим, умным. Сейчас же мы его просто упустили. Террор со стороны отца и его вынудил покинуть домашний очаг и строить свою судьбу самостоятельно. Об отце Майкл гово-

ИЗ ЖИЗНИ «ЗВЕЗД»

Кульница. — 1991. — 14 дек. — С. 14

В Париже прошла презентация нового альбома американской певицы Латойи Джексона «Сексбой», который одновременно выходит в свет в 47 странах. Помимо родственных уз, которые связывают ее с Майклом Джексонем, она знаменита своей полупатологической страстью к высококачественному шелковому белью и любовью к детям. И если кто-то поспешит сделать выводы из того, что Латойа недавно позировала для обложки «Плейбоя» — сделает большую ошибку. Не все так просто в блистательной, но драматичной жизни Латойи. Интервью, которое она дала журналу «Пари-матч», во многом помогает пролить свет не только на ее судьбу, но и на закулисную жизнь ее брата Майкла. Сегодня мы перепечатаем интервью с небольшими сокращениями.

рит: «Я его ненавижу и презираю». Вряд ли Майкл счастлив. И я сомневаюсь, что он вообще когда-нибудь будет счастлив.

— Вы снялись для обложки «Плейбоя». Зачем?

— Я не просто согласилась на это. Я сделала сознательный выбор. Я хотела доказать своим родителям, что у них больше нет власти надо мной, что это — моя жизнь и что я имею право распоряжаться ею, как хочу. Именно это заставило меня впервые позировать для «Плейбоя» три года назад. Еще когда я собиралась это делать, родители выражали крайнее недовольство, а мать предупреждала: «Не делай этого никогда, иначе я не буду с тобой разговаривать». Так и случилось. Когда я звоню, она вешает трубку. Я много плакала, надеясь,

что она простит меня. Так что я еще раз связалась с «Плейбоем», чтобы показать им, что больше они мне не смогут портить жизнь.

— Вам нравится ваше тело?

— Я раздевалась лишь для того, чтобы отомстить родителям, совершенно не думая о том, какое впечатление производит мое тело. Нарциссизм — это не для меня. Я не расставляю зеркала по всему дому, чтобы предаваться блаженству. Земля под ногами у меня твердая.

— Где вы живете?

— У меня три дома: в Нью-Йорке, Лас-Вегасе и Лондоне. А вот в Париже — увы! Мне хотелось бы жить в Париже или по крайней мере почаще сюда приезжать. Это самый красивый город в мире. Более того, люди здесь очень лю-

безны со мной. А это крайне важно. Мой импресарио, он же — муж, спит в отдельной комнате. Я же предпочитаю брать с собой в постель двух пресмыкающихся, моих любимцев: бирманского питона и удава. Они кажутся мне милыми и сердечными. Конечно, до тех пор, пока ты еще живая просыпаешься по утрам.

— Питонов вы любите больше, чем детей?

— Я обожаю детей и не прочь иметь шестерых или семерых. Но я буду усыновлять их. Думаю, это важно — принять в семью сирот, которые нуждаются в любви, нежности и заботе.

Подготовил
С. ТОЛКАЧЕВ

Фото из журнала
«Пари-матч».

